

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В. И. Сенкевич

*Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина,
б-р Космонавтов, 21, 224016, г. Брест, Республика Беларусь,
sienkiewiczw@tut.by*

В гуманитарной области бытующие институты и существующие институты знания уступают место парадоксальному опыту познания очевидной реальности, осуществляемому искусством. Этот недискурсивный опыт не имеет выхода в сферу языковых форм и парадигм, однако получает логистическое воплощение в слове, звучащем в режиме реального времени. Познать мотивы и рефлексы неоценимого опыта встречи человека с подлинной реальностью, воплощенной в живом слове, – задача феноменологической лингвистики. В статье затрагивается проблема ортодоксальной несостоятельности традиционного языкознания при осмыслении языковых сущностей. Феноменология прокладывает антиномичный путь изучения языка, дополняя существующие парадигмы анализа характерными для нее принципами.

Ключевые слова: феноменология; феноменологическая лингвистика; логистика; мнение; simultанность.

PHENOMENOLOGY AND LINGUISTICS

V. I. Siankevich

*Pushkin Brest State University,
21, Kosmonavtov Boul., 224016, Brest, Republic of Belarus
Corresponding author: V. I. Siakevich (sienkiewiczw@tut.by)*

In the field of humanities, conventional institutions and existing institutes of knowledge give place to paradoxical experience of knowing the obvious reality by means of art. This non-discursive experience does not have access to the sphere of linguistic forms and paradigms, however, it receives a logistic embodiment in a word that sounds in real time. It is the task of phenomenological linguistics to learn the motives and reflexes of the invaluable experience of person's meeting with the true reality embodied in a living word. The article addresses the issue of the orthodox inconsistency of traditional linguistics in the understanding of linguistic essences. Phenomenology paves antinomical way

for studying the language, supplementing the existing paradigms of analysis with its characteristic principles.

Key words: phenomenology; phenomenological linguistics; logistics; opinion; simultaneity.

В современных когнитивных исследованиях языка, а также в работах, основанных на идеях биологии познания [1] и радикального конструктивизма [2, 3], все чаще высказывается мнение о смене научной парадигмы в области гуманитарного знания. «Не приходится сомневаться, что традиционная лингвистика как наука находится в состоянии глубокого системного кризиса, симптомы которого налицо» [1, с. 54]. Конкурирующие между собой парадигмы не могут заслонить факта непонимания лингвистами того, что язык не только явление социальной жизни, но еще и *феномен*, возвышающий человека над другими биологическими видами [4].

Феноменология – философское направление XX века, основные идеи которого изложены в книге Э. Гуссерля «Логические исследования» [5]. Термин *феноменология* имеет две составные части: «феномен» и «логос», восходящие к греческим терминам *φαινόμενον* и *λόγος*. Название науки образовано по типу названия других наук, например, *теология*, *биология*, *социология* и т. п., первая часть которых указывает на их предмет – Бог, жизнь, общество и т. д. Соответственно, феноменология – это наука о феноменах (сущностях). В ходе феноменологической редукции осуществляется освобождение от погруженности во внешний мир и сосредоточенность на сознании. Обращается внимание на активность сознания, благодаря которой мир предстает перед человеком как иерархия смыслов.

Феноменологическое направление представлено такими именами, как К. Ясперс, П. Риккер, Э. Штейн, Ж. П. Сартр, Г. Шпета, А. Лосева, Р. Ингарден, Й. Тишнер и др. Феноменология притязает на методологию подлинного гуманитарного познания. Сторонники учения Гуссерля есть в социологии (А. Шютц), этике (М. Шеллер), эстетике (Р. Ингарден), психологии (Л. Бинсвангер), педагогике (Т. Литт) и др. Гуманитариями осмысливаются разные аспекты феноменологической проксематики (от англ. *proximity* – близость). Это работы польского философа Адама Хэрнаса [6], филолога Люциана Суханэка [7], российского психолога и психиатра Елены Калитеевской [8] и др.

Не теряет злободневности вопрос о пользе феноменологии для языкознания. Еще в начале XX в. в *Философии имени* А. Ф. Лосев отмечал,

что современное ему «русское языкознание влачит жалкое существование в цепях допотопного психологизма и сенсуализма» [9, с. 615]. Однако, по мнению ученого, «в русской науке есть одно чрезвычайно важное явление, которое, однако, идет из философских кругов, и неизвестно еще, когда дойдет оно до сознания широкого круга языковедов. Это – феноменологическое учение Гуссерля и его школы» [9, с. 615].

В настоящее время феноменология «дошла до сознания» языковедов. «Лингвистика XXI в. с полным основанием может быть названа феноменологической лингвистикой или “лингвистикой внутренних форм”, сферу интересов которой составляют: глубинные пласты “языкового” пространства слова...» [10, с. 231]. Лингвисты все чаще апеллируют к феномену *Homo loquens* – человеку говорящему [11], изучая «живое слово живого человека» (М. Бахтин). Феноменологическая лингвистика – бесспорная реальность сегодняшнего учения о языке [12].

Лингвофеноменология не делает революцию в языкознании. Не является она также продолжением ряда существующих научных теорий, однако всесторонне дополняет их, преобразуя языкознание на своих началах и принципах. Совершается переход от отраженной в структуре языка концепции мира к воплощению в стихии живого слова его рецепции. Манифест Гуссерля *Zurück zu den Sachen!* («Назад, к самим вещам!») призывает вернуться в «царство изначальности». Здесь происходит встреча с неисчерпаемыми «началами» – человеческим началом, творческим началом, критическим началом и др. Вершина всего – логистическое начало. «Λόγος есть лозунг, зовущий от схоластики и отвлеченности вернуться к жизни и, не насилуя жизнь схемами, наоборот, внимая ей, стать вдохновенной и чуткой истолковательницей ее божественного смысла, ее скрытой благодати и глубоких задач» [13, с. 3].

Трудно переоценить пользу феноменологии для языкознания. В свете феноменологии язык перестает быть зеркалом фактов и событий. Аналогия ему усматривается в звучащем эхе, чутко отзывающемся на все, чем «здоровый живет человек» (С. Есенин). Благодаря феноменологии наука о языке поворачивается к сознанию – переживаниями и смыслу, составляющими архитектуру восприятия и «археологию мышления» (Гуссерль). (Не)сознательная рефлексия обнаруживается в феномене «живого слова», звучащего в режиме реального времени – в публичных местах и наедине. Это область мотивированного вербального поведения и языкового творчества.

Феноменология призывает лингвистов не проходить мимо *другого* («жизненного») мира. Для человека он предельно знаком и близок, од-

нако парадоксально непонятен и необъясним в своих конкретно-очевидных презентациях. Только поэтическому и философскому восприятию доступна его запредельная стихия: *Не пой, красавица, при мне. Ты песен Грузии печальной. Напоминают мне оне. Другую жизнь и берег дальний* (А. Пушкин). *Za Bugiem, za Bugiem życie jest drugie, lecz niebo jedynie nad nami...* (А. Вишневская). На пути эволюционирующего сознания человек познает себя самого – «доходит» до себя, приближаясь к своей аутентичности.

Избавленный от институциональных «измов» жизненный мир человека либо всегда *при нем* («здесь»), либо постоянно предан ему («с ним»). Это «мой» и «свой» для кого «мир сущностей» (М. Хайдеггер). Его не имеют, однако он, вопреки всему, *есть*; не происходит – только проходит. Он не мыслим без человека. Его правда творчески манифестируется «для кого»: *Улыбнулась всем: Это я для вас...; Все для тебя...; Для тебя, для тебя, для тебя...* (Из песен). Состояние «мир без меня» болезненно переживается: *Не для меня придет весна...* (Из песни). Этот мир получает оправдание в глазах признающего его *своего* Другого – воочию или незримо присутствующей *инстанции*. Для восприятия подлинности звучания мотивов жизненного мира требуется «камертон» – *свой* слушатель, постижение его смысловых глубин осуществляется *своим* читателя.

Мир сущностей доступен реципиенту в режиме «феноменологической редукции» (Гуссерль), «закрывающей в скобки» все позитивные (проявленные) определения. Его составляющие не существуют по установлению («так» и как «то»). Все здесь оказывается «не так» – *по-другому*, «не тем» – *другим*. Нигилистическая антитеза «своего мира» обнаруживается поэтами и философами: *Нет, ребята, все не так! Все не так, ребята...* (В. Высоцкий). *Все не то, чем кажется, и не наоборот* (Конфуций).

Феноменология отходит от деятельности людей (Что они делают?) и стремится познать, каковы они *суть*. На пути познания вкуса и смысла жизни невольно возникает и творится *свой* язык – «язык сущностей» или «подлинный язык» (М. Хайдеггер). В нем ничего не дано по факту и не существует по идее, однако все получает свое логистическое воплощение и осуществление. Это язык этоса – характера. Здесь усматривается характерный почерк, улавливается на слух характерное звучание. Это язык авторского идиолекта – характерных слов, характерных манер письма и др. Полученные в ходе познания сущностные характе-

ристики вещей не тождественны проявленным в отношениях свойствам предметов и явлений.

Язык сущностей антиномичен. «Когда начисто сглаживается антиномичность языка, то тем самым начисто уничтожается и сам язык» [14, с. 85]. По мнению Л. Грузберг, «постижение многих языковых феноменов обнаруживает антиномичность в подходе к рассматриваемым сущностям. Современные исследования языка несомненно дополняются принципами антиномии» [15, с. 9]. Антиномия не нарушает закон (*nomina*), но комплементарно исполняет «свою партию». «Анти» – возражение, в котором нет места ни «за» (*pro*), ни «против» (*kontra*).

Языкознание не может не учитывать антитезу всего, что осуществляется «ради», и того делается «во имя» – исполненного благодатью слова и «дела Закона» (ап. Павел). Антиномия деятельного закона и благодатного слова лейтмотивом проходит в *Нагорной проповеди* («Сказано <...>, – <...> а я говорю, <...>»). «Тезис “закона” исключает антитезис “благодати”; и антитезис “благодати” исключает тезис “закона”. Получаем настоящую антиномию двух великих систем ценности: антиномию закона и благодати» [16, с. 26]. Закон лишен творческого начала. «Ни один человек не творит «по закону»; творчество возможно только «по благодати» [16, с. 24].

Прислушиваясь к звуку, феноменология стремится постичь его смысл. В ведении феноменологической лингвистики находится феномен *вещания* – всего, что получает эпитет «вещего». Бессловесные вещи вещают сами за себя. Говорить словами – привилегия рефлексирующего человека. Присматриваясь к поведению, феноменология пытается вызнать характер каждого через тактику его поступков. Такт вербального поведения *не то*, что стиль речевой деятельности, несмотря на всю его элланцию.

Под сущностью подразумевают состояние, когда «что-то есть то, что оно есть»: *жизнь есть жизнь, дети есть дети* и т. д. «Утверждение, что кто-то или что-то *есть*, относится к сущности вещи, а не к его существованию предмета (явления) или их видимости» [17, с. 50]. Мир сущностей парадоксален – *есть*, не существуя. Его эпитеты исключительно нигилистические: *небывалое, невиданное, неслышанное, невозможное, несравненное, невольное* и др.: «...to wieczne JEST, co ani było, ani będzie, ani może być, niepodległe wolnym wyborom, nieodstępne od najlepszości, nieludzko koniecznie» [18, с.2].

В очевидном «еще есть» человек бесповоротно уверен: *А что, пань? – сказал Тарас, перекликнувшись с куренными. – Есть еще порох*

в пороховницах? Не ослабела ли козацкая сила? Не гнутся ли козаки? – Есть еще, батько, порох в пороховницах. Не ослабела еще козацкая сила; ещё не гнутся казаки! (Н. Гоголь. *Тарас Бульба*). Чувство уверенности парадоксально: *Стало быть, тот бог есть же, по-вашему? – Его нет, но он есть. В камне боли нет, но в страхе от камня есть боль. Бог есть боль страха смерти* (Ф. Достоевский. *Старцы*).

Мысль о реальности несуществующего противоречит логике и не стыкуется с так называемым «здравым смыслом» (*Есть то, чего нет?!*). Однако это противоречие оказывается условием благополучного разрешения всего и локомотивом его перспективного продвижения. Не вступая в противоборство с существующим порядком, феноменология говорит ему «однако»: *Однако вернемся к нашим феноменам, – предложил офицер* (В. Шалыгин. *Чужое наследие*). Осуществляется рефлексивный поворот от материального мира к его рецепции – узнаванию в восприятии, осмыслению и признанию всего, что еще не стало институциональным фактом. «За поворотом» институт справедливости уступают место *инстанции* правды, институция правильности (равно) предпочитается *источнику* честности (честно).

Дискурсивный оборот «Правильно?», с которым ритор обращается к аудитории, сменяется апелляцией лектора к слушателям: – «*Правда?*», «*Не правда ли?*». Сопоставим: «*Компетентность предполагает знание. Правильно? Согласны?*» – «*Да, вам видней, <Имярек>*»; однако: – *Слаб человек... Не правда ли?* (Разг.). Риторика нуждается в подтверждении и одобрении. Словесности требуется легитимность – признание и поддержка. В признании лектор черпает уверенность. В слушании – источник его власти («*послушания*») и авторитета.

Феноменологическая лингвистика предпочитает знанию мнение. Звучит парадоксально, однако знание несовместимо с мышлением. Мудрость – путь от знания к мышлению: «*Чем меньше мы знаем, тем больше мы задумываемся*» [19 с. 12]; *мнить* ‘думать’, *мниться* ‘думаться’ (МАС, 2, 280). Рефлексия «*многого*» *взгляда* не то, что нацеленное на знание избирательное и обращенное внимание. Мнение *есть*, знание же имеют: *знать* – «иметь сведения, иметь о ком-чем-н. понятие, представление» (МАС, 1, 617).

Мнение высказывается. К нему прислушиваются. Мнение признают и учитывают при принятии решений. На него ссылаются. Во мнениях сходятся и расходятся. Мнения совпадают и не совпадают. В отличие от различных точек зрения, разные мнения не образуют оппозицию, однако разнятся полярностью («*свое-чужое*» мнение). Феноменологическая

лингвистика ставит акцент на высказывании и отходит от предложения, со свойственными ему пропозициональными установками и изоморфными им фактами.

Мнение не находится под юрисдикцией закона и не имеет юридической перспективы. За мнение, по сути, не должны судить. Критика мнения не опирается на логический закон достаточного основания. Мнение не собственное, однако «свое», не законное, однако авторитетное. Высказанное мнение, в принципе, не должно иметь последствий, что не исключает его чреватости для кого-чего-либо. Этическая релевантность мнения обнаруживается в обидных характеристиках и «заочных» прозвищах: – *Дурак, одним словом (Разг.). А зовут меня Касьяном, а по прозвищу Блоха* (И. Тургенев. *Записки охотника*).

Таким образом, вместо концептуальных контуров и существенных признаков, предметов и явлений при феноменологическом подходе к языку вырисовываются характерные черты лингвистической логики. Феноменология открывает перспективу исследования генерализации в рефлексированном слове, придает деривации (vs словообразование) феноменологический статус и отдает приоритет изучению высказывания (vs предложение). Языку, в версии Ф. де Соссюра, противопоставляется язык сущностей. Его парадоксальные смыслы не вмещаются в дискурсивные категории («емкости») и неуловимы в сети концептов, однако вполне очевидны и доступны для искусства – недискурсивного пути познания мира. Феноменологическая лингвистика – путь к языку повседневности и творимому им жизненному миру человека говорящего.

Библиографические ссылки

1. *Кравченко А. В.* Является ли традиционный лингвистический анализ анализом языка // Вестник ТвГУ. Сер. Филология. 2015. № 2. С. 54–62.
2. *Foerster H.* Notes on an epistemology for living things. Urbana: University of Illinois, 1972. 362 p.
3. *Glaserfeld E.* Radical constructivism: A way of knowing and learning. London: Falmer Press, 1995. 264 p.
4. *Кочелев А. Д.* Современная теоретическая лингвистика как Вавилонская башня (о «мирном» сосуществовании множества несовместимых теорий языка) // Известия РАН. Сер. Литературы и языка. 2013. Т. 72. № 6. С. 3–22.
5. *Гуссерль Э.* Логические исследования. Прологомены к чистой логике. М.: Академический проект, 2011. 327 с.

6. *Hernas A.* Od zawsze jesteś przy mnie. Zarys filozofii bliskiego. Kraków: Instytut Myśli J. Tischnera, 2017. 374 с.
7. *Suchanek L.* О пользе феноменологии в эмигрантологических исследованиях // Acta Polono-Ruthenica. 2020. Т. XXV. S. 11–20.
8. *Калитеевская Е.* Феноменология близости. «Гештальт» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gestalt.ru/> (дата обращения: 12.02.2020).
9. *Лосев А. Ф.* Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. 958 с.
10. *Карманова З. Я.* Феноменологические аспекты содержательной структуры слова. Калуга: Эйдос, 2014. 258 с.
11. *Хомский Н., Бервик Р.* Человек говорящий. Эволюция и язык. СПб.: Питер, 2021. 320 с.
12. *Сенкевич В. И.* Феноменологическая лингвистика. Этические начала и принципы языка. Седльце: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, 2020. 369 с.
13. *Эрн В.* Борьба за Логос. Г. Сковорода. Жизнь и учение. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. 592 с.
14. *Флоренский П.* У водоразелов мысли. М.: Академический проект. 2017. Т. 2. 245 с.
15. *Грузберг Л. А.* Антиномия не есть антономия // Проблемы социо- и психолингвистики. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2002. Вып. 1. С. 7–10.
16. *Вышеславцев Б. П.* Этика преображенного эроса. М.: Республика, 1994. 368 с.
17. *Фромм Э.* Иметь или быть? Ради любви к жизни. М.: Айрис-пресс, 2004. 384 с.
18. *Wańkowski A.* Autor o sobie // Etymologiczny słownik języka polskiego. Warszawa, 2000. Т. 1. 873 с.
19. *Кохан В.* Есть ли место философии в деятельности учителя // Учитель наедине с собой / ред. М. Н. Кожевникова. СПб.: Лем, 2014. С. 10–16.